
Глава 8

Пока Цзян Сяои улаживал дела, время пролетело незаметно — тени удлиннились, и в воздухе поплыла вечерняя прохлада. За весь день он не съел ни крошки, и теперь в животе урчало так, что, казалось, спина вот-вот прилипнет к рёбрам. Сяои с тревогой вспомнил, что утренней каши было совсем немного; отец наверняка оставил всё младшим братьям, а сам ушёл работать впроголодь.

Обмолот кукурузы — работа не самая тяжёлая, но попробуй-ка продержаться весь день на пустой желудок. Семья Ли не славилась щедростью и обедами работников не кормила, а отец Цзян из-за больной ноги не мог лишний раз бегать домой.

При мысли об этом Сяои прибавил шагу.

На полпути, у самого поворота, он заметил жену старосты и старуху Сунь. Женщины о чём-то оживлённо судачили, и по лицу старухи Сунь, сиявшему от гордости, было ясно: случилось что-то хорошее. Она так и рассыпалась в благодарностях, поминая тётку своей Сяо Цзюань.

Жена старосты тоже выглядела довольной.

— Если всё выгорит, — донёсся её голос, — твоя Сяо Цзюань в таком масле кататься будет, что и не снилось.

Сяои невольно прислушался. Судя по всему, старуха Сунь начала присматривать жениха для своей младшей дочери.

Интересно, на кого же пал её выбор? Старуха была женщиной заносчивой и абы кого в зятя не брала. Её старшая дочь уже удачно вышла замуж в семью Лю, а те в деревне Сяошань считались богачами: десяток му заливных полей, на одном только рисе за год выручали больше десяти лянов серебра. Наверняка и для младшей она искала партию не хуже, а то и побогаче.

Жена старосты, женщина лет пятидесяти, славилась своим острым языком и любовью к сплетням. Если она вцеплялась в кого-то, то могла чесать языком часами. Сяои не хотелось попадаться ей на глаза, тем более что старуха Сунь, мать госпожи Лю, при каждой встрече с ним кривила лицо, будто лимон проглотила. Он решил не испытывать судьбу и свернул на боковую тропку.

Когда он добрался до дома, солнце уже почти коснулось вершушек гор.

Сяои надеялся, что за время его отсутствия Цзян Сяосань успеет вымыть медвежонка, но ещё не дойдя до ворот, услышал сердитые вопли младшего брата.

— Мишка, перестань пукать! Ну и вонь! А ну отпусти столб, Сяосань тебя сейчас чистеньким сделает!

В ответ раздалось странное тьяканье. Звук был настолько пронзительным и полным отчаяния, будто во дворе резали собаку.

Когда панды пугаются, они и впрямь издают звуки, похожие на собачий лай, но Сяои об этом не знал. Недоумевая, откуда в доме взялся пёс, он распахнул калитку и замер. Медвежонок, которого он притащил утром, мёртвой хваткой вцепился в столб на веранде. Цзян Сяосань, упершись ногами в землю, изо всех сил тянул его за пухлый зад, точно в игре в перетягивание каната, а Цзян Сяоэр, обхватив брата за пояс, только мешал, создавая кучу-малу.

Зверь, видимо, решил использовать против мучителей химическое оружие: время от времени раздавался звонкий «пук», и Сяосань едва не падал в обморок от амбре, но хватки не ослаблял.

Сяои не выдержал и рассмеялся:

— И что это вы тут устроили?

— А! Старший брат! — Цзян Сяоэр посмотрел на него как на спасителя и тут же затараторил:
— Мишка не хочет мыться! Что нам делать? Мы уже три раза воду грели!

Сяои вздохнул и подошёл к столбу, пытаясь отцепить когти медвежонка. Но Бай Цзыму не собирался сдаваться без боя. Тогда Сяои, недолго думая, пару раз звонко шлёпнул его по пушистому заду.

Бай Цзыму: «...»

«Этот парень явно тренировал "железную ладонь"... За один день — две трёпки. Интересно, останется ли мой зад таким же упругим после подобных экзекуций?»

«Если из-за этих побоев я потеряю форму и не найду себе пару, я его с того света достану».

Заметив, что рука Сяои снова замахнулась, Бай Цзыму поспешно разжал когти.

С видом глубочайшего экзистенциального кризиса он позволил отнести себя на кухню.

Отец Цзян вечно пропадал на заработках, уходя на рассвете и возвращаясь затемно, поэтому

забота о младших братьях целиком лежала на плечах Сяои. За годы он так наловчился их купать, что мог бы сделать это с закрытыми глазами. Усадив Бай Цзыму у таза, он по привычке сунул руку в воду, чтобы проверить температуру.

В ту же секунду Сяои взвыл и отскочил, точно ошпаренный.

Бай Цзыму, услышав этот «пороссячий визг», не выдержал и ехидно хмыкнул.

«Так тебе и надо!»

Рука Сяои покраснела, но, к счастью, вода уже успела немного остыть, так что обошлось без волдырей. Подув на обожжённые пальцы и подержав их в холодной воде, он быстро пришёл в себя — к мелким травмам ему было не привыкать.

Закончив водные процедуры, Сяои вытер медвежонка старым полотенцем и передал его Сяосаню.

— Возьми ещё какую-нибудь ветошь, протри его хорошенько. Пока не высохнет, на кровать не пускай, понял?

Сяосань послушно кивнул:

— Понял, братик.

Цзян Сяозэр последовал за ними в комнату. Сяои вылил воду, заметил на разделочной доске уже вымытую лажоу и принялся за овощи.

Чесночные стрелки мыть было легко — сполоснул от земли, и готово. А вот с рассадой пекинской капусты пришлось повозиться. Крошечные ростки, едва длиной со средний палец, были нежными и вкусными, но в них вечно прятались улитки и слизи. Приходилось перебирать каждый листик, оттирая следы жизнедеятельности этих ползучих гадов.

Поскольку риса в доме не осталось, Сяои решил приготовить побольше овощей, чтобы хоть как-то набить желудки. На огороде ещё оставалась зелень, но она уже переросла и стала жёсткой. Сегодня, благодаря подарку Цзян Даню, у них была лажоу, и Сяои хотелось устроить настоящий пир.

Посреди работы на кухню снова притопали младшие, таща за собой Бай Цзыму. Сказали, что хотят помочь. Цзян Сяозэр и Сяосань, хоть им было всего по пять лет, росли на редкость смышлёнными и работающими. Они пристроились рядом с тазом и, несмотря на затекшие ноги, не проронили ни жалобы.

Сяои с нежностью взглянул на них, а затем перевёл взгляд на Бай Цзыму. Тот сидел на столе, куда его пристроил Сяосань. После ванны его шерсть распушилась, и он стал похож на всклокоченного кота — мягкий, круглый и до невозможного милый. Чёрные пуговицы глаз пристально следили за каждым движением Сяои.

Сяои невольно улыбнулся, глядя на это нелепое создание, но тут же осёкся: медвежонок вдруг медленно и многозначительно поднял одну лапу, выставив средний коготь.

«Чего лыбишься?»

«Ещё раз хмыкнешь — получишь в глаз!»

Бай Цзыму демонстративно отвернулся и принялся разглядывать детей. Вид огромного таза с овощами поверг его в уныние.

Но больше всего его пугал Сяосань. Мальчик так усердно склонился над тазом, что из его носа вытянулись две внушительные капли, которые опасно раскачивались в такт его движениям. Бай Цзыму до зуда в лапах захотелось заткнуть ему ноздри парой кукурузных початков. Цзян Сяоэр тоже не внушал доверия: худой как щепка, лицо размером с чайную чашку, он то и дело заходил в кашле, не переставая мыть листья.

Бай Цзыму мысленно схватился за голову.

«От такой помощи вреда больше, чем пользы».

Но в этих краях о микробах не слышали — если на листе нет грязи и гусениц, значит, чисто.

Бай Цзыму оглядел кухню, и его охватила тоска. Тесное помещение, едва ли десять квадратов. В углу — чан с водой, рядом — аккуратная поленница дров. За очагом примостился шкаф для посуды, который, судя по виду, пережил не одно крушение: ножек у него не было, и он сиротливо стоял на двух булыжниках. Разделочная доска лежала прямо на столе, за которым он сидел.

Никакого электричества, никаких лампочек. А над головой... соломенная крыша.

Нищета была просто беспросветной.

Бай Цзыму никак не мог понять, куда его занесло. Когда в него ударила молния, он был в городе А — мегаполисе мирового уровня. Неужели там остались такие трущобы?

Днём он успел выглянуть во двор. Место походило на деревню, но даже в самых глухих деревнях пригорода А не жили в мазанках под соломой.

К тому же, все трое братьев носили плетёные соломенные лапти — ни одной пары нормальной обуви. Да и одежда... покррой был странным, точь-в-точь как в исторических сериалах про древние времена.

Бай Цзыму окончательно запутался.

Лажоу, которую прислал Цзян Даню, была жирной — лишь тонкая полоска алого мяса у самого края. Деревенские жители, чей рацион не баловал излишествами, обожали жир; постное мясо после копчения становилось сухим и безвкусным, как подошва.

Сяои вымыл котел и бросил туда половину нарезанного мяса. Кухню мгновенно заполнил умопомрачительный аромат шкварок. Братья замерли, вытянув шеи и синхронно сглатывая слюну.

Цзян Сяосань примостился на маленькой табуретке у очага, подкидывая дрова, а Сяоэр замер у стола рядом с Бай Цзыму, не сводя глаз с котла.

Сяои нарезал мясо тонкими ломтиками, и жир быстро вытопился. Чесночных стрелок было много — целая корзина. Бай Цзыму за свою долгую жизнь успел и пушки таскать в Сирии, и мусор собирать в Дубае; жизненного опыта ему было не занимать.

Одного взгляда на сковороду ему хватило, чтобы понять: жира маловато. Но Сяои, к его изумлению, достал глиняный горшочек и осторожно слил туда три ложки вытопленного сала. Затем он выловил два самых зажаристых кусочка мяса и только после этого высыпал в котел чесночные стрелки.

Бай Цзыму: «...»

«Ну и скупердяйство. Век живи — век учись».

Сяои подул на мясо, остужая его, и протянул братьям. Сяоэр и Сяосань просияли от счастья, принимая угощение обеими руками.

— Брат, ты тоже ешь, — малыши не спешили кусать, протягивая ладошки к Сяои. Тот, как и всегда, откусил по крошечному кусочку от каждого ломтика. Только тогда дети рассмеялись и принялись жевать. Жир хрустел на зубах, и их глаза заблестели так, будто они вкушали пищу богов.

Пока Бай Цзыму предавался скепсису, Сяосань вдруг протянул оставшийся крохотный кусочек мяса к его мордочке.

— Мишка тоже ешь. Мясо — это очень вкусно!

<http://bllate.org/book/13701/1582206>